Последний романтик отечественной литературы

К 200-летию Аполлона Григорьева

Владимир ХОМЯКОВ

28 июля исполнилось 200 лет со дня рождения известного поэта, критика, переводчика, прозаика Аполлона Александровича Григорьева (1822-1864).

«Две гитары, зазвенев, жалобно заныли… С детства памятный напев, старый друг мой – ты ли?», «О, говори

хоть ты со мной, подруга семиструнная! Душа полна такой тоской, а ночь такая лунная». Кто не знает пронзительные строки этих знаменитых русских романсов? Их автором является легендарный поэт Аполлон Григорьев. Он родился в Москве, окончил университет, где учился одновременно со многими в будущем известными литераторами, в том числе с поэтом, уроженцем Рязани Яковом Полонским, создавшим столь же потрясающей силы произведение – «Песню цыганки» («Мой костёр в тумане светит; искры гаснут на лету… Ночью нас никто не встретит; мы простимся на мосту»).

Аполлон Григорьев как поэт и критик публиковался в журналах «Московитянин», «Репертуар и Пантеон», «Русское слово», «Русская беседа», «Время», «Якорь», «Эпоха», в «Московском городском листке» и многих других периодических изданиях, выпустил в 1846 году книгу стихотворений, которая привлекла внимание Виссариона Белинского, написавшего, что она среди сборников того времени «замечательнее других». Следующее авторское издание Аполлона Александровича вышло только в 1876 году, спустя 12 лет после безвременной кончины «последнего романтика».

Его произведения оказали заметное влияние на творчество целого ряда литераторов. Глубинная перекличка с автором «Цыганской венгерки» слышится в есенинских мотивах «Москвы кабацкой» и «Руси уходящей»:

Пой же пой. На проклятой гитаре
пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
мой последний, единственный друг.

Гитара милая, звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
чтоб я забыл отравленные дни,
не знавшие ни ласки, ни покоя.

Песенные интонации Аполлона Григорьева живы и в отечественной литературе XXI века:

В который раз прочитаны стихи.
Ну, что же, друг, настраивай гитару!

«Две гитары, зазвенев…»

Удивительный мир радио 50-70-х годов минувшего века! Трансляция футбольных и хоккейных матчей, концерты, театральные постановки, музыкальные и поэтические передачи… Телевидение тогда ещё не так явно завладело нашим временем и вниманием, а вот радио работало в домах с утра до ночи. И когда осенними или зимними вечерами на несколько часов вновь выключалось электричество, то зажигалась керосиновая лампа, и спокойный, знакомый голос ведущего рассказывал под лёгкое потрескиванье берёзовых дров в печи о чём-то добром и приятном, о чём уже, наверное, и не вспомнить… Но некоторые радиопередачи всё же сохранились в душе.

…Конец июля 1972 года. Я, семнадцатилетний начинающий стихотворец, засиделся с приятелями допоздна: на излюбленном нашем месте – аккуратно сложенных брёвнах – решали мы свои мальчишечьи вопросы и, понятно, мечтали.

После душного дня вышли прогуляться во двор и взрослые. Мои родители тоже здесь, обсуждают с соседями тревожные вести о лесных

пожарах, бушевавших в то лето по всей Центральной России, да говорят о том, как «хвалёный пресловутый» Роберт Фишер, увы, обыгрывает Бориса Спасского в матче за мировую шахматную корону.

Я на минуту оставляю своих друзей-товарищей и забегаю домой, чтобы хлебнуть глоток-другой холодненького чайку. В квартире мерцают сумерки, а радио негромко начинает говорить о каком-то неведомом мне до этого Аполлоне Григорьеве, поэте и критике, «последнем романтике» столь прозаичной эпохи середины XIX века. Тоска, веселье, отчаяние, разгул – и всё это связано с судьбой мятущегося и противоречивого человека. Ведущий передачи объявляет, что сейчас прозвучит самое знаменитое произведение Аполлона Александровича «Цыганская венгерка», увидевшее свет в 1857 году:

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли…
С детства памятный напев,
Старый друг мой – ты ли?

Да эти же строки когда-то напевала моя бабушка Мария Матвеевна Кузьмина!

А глубокий мужской баритон завораживает:

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!
Это ты, загул лихой,
Ты – слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки –
Ты мотив венгерки!
Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки…
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

И мне совсем не хочется возвращаться к приятелям, к их разговорам о том, кто в какой институт-техникум собирается поступать. Сколько же простора в знойных летящих строчках:

Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Верёвочкой горе!
Топи тоску в море!
Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею – звон и гам
Буйный и мятежный.
Перебор… и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает…
Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата…

Передача завершилась, а я всё стою перед радиоприёмником и шепчу безостановочно: *«Две гитары, зазвенев… Это ты, загул лихой… Ты другому отдана…»*.

С этого июльского вечера прошло уже, наверное, несколько жизней, но его нечаянное очарование осталось неповторимым. И вся моя судьба была предсказана в этом романсе. И в одинокие грустные часы, услышав кажущийся стук в окно, я вновь спрошу у сумеречной тишины: «Старый друг мой – ты ли?».

ПАМЯТИ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

О том не думай ты, поэт,
что в никуда открыта дверка.
Пускай «на свете счастья нет»,
но есть – «Цыганская венгерка»!
Он есть, он есть – «загул лихой»,
и квинта «ноет-завывает».
И тот, кто сердцем не глухой,
по этим звукам изнывает.
И серебром звенит струна,
и говорит, что нет возврата.
Любовь другому отдана.
Ах, «басан, басан, басаната»!
Сокрылось многое в душе.
Но предо мной июльский вечер,
где мне семнадцать лет уже,
и в голове гуляет ветер.
И вновь берёт меня в полон
огонь печали и разлуки –
то мне дарует Аполлон
неумолкающие звуки…
<…>
…Ушла заря, взошла заря.
Нет, мы пока ещё не стары.
Огнём серебряным горя,
перекликаются гитары!..

«Служа таинственной отчизне...»

К 205-й годовщине рождения Алексея Константиновича Толстого

Валерий КУЗНЕЦОВ

С 1853 года в российских столичных журналах начали появляться стихи, подписанные именем «Граф Толстой». Вот и в 1856 году читатели «Отечественных записок» увидели в пятом номере стихотворение с начальной строкой: «Средь шумного бала, случайно…», обратившее на себя всеобщее внимание. Незадолго до этого публицист А.И. Кошелев писал историку А.Н. Попову: «Мы все в восторге от стихов графа Толстого… Как его зовут? Кто он такой? Стихи его, помещённые в «Современнике», просто чудо. Хомяков, Аксаков их все наизусть знают. Хомяков… говорит: «После Пушкина мы таких стихов не читали…».

На далёкой окраине империи у читающих обитателей Оренбурга, отделённых от столицы «дорогами, превосходящими всё самое чудовищное, что может создать самое горячечное воображение», были свои основания заинтересоваться публикациями. В 1842 году они впервые увидели это имя под очерком «Два дня в киргизской степи», со страниц которого пахнуло кизячным дымком степных просторов, экзотикой Востока – неведомой для остальной России жизнью, открытой недавно в журнальной периодике Владимиром Далем. За год до того военный губернатор В.А. Перовский, завершая своё первое правление краем, пригласил к себе на кочёвку – летнюю резиденцию на речке Белгуш – своего племянника по родной сестре Анне Алексеевне, тогда двадцатитрёхлетнего чиновника «собственной Его Императорского Величества канцелярии» Алексея Толстого.

Приехавший из Оренбурга в июне 1841 года гость написал своему сослуживцу по канцелярии (приведённые выше проклятия дорогам – из этого письма): «Моего дядю я нашёл в состоянии худшем, чем ожидал. Так как опухоль не вскрывалась, то он очень мучается, и врач, доктор Эверсман, которого он выписал из Казани, сказал мне, что операции не избежать. Я сделаю решительно всё, чтобы пробыть здесь несколько дней и уехать, не теряя времени, но так как я уже предвижу, что не могу не запоздать, то умоляю Вас, дорогой друг, извинить меня перед моими начальниками, если моё отсутствие будет замечено».

Вывод о служебном рвении автора письма, как будто очевидный, мягко говоря, не соответствовал бы действительности. Вот другие, исповедальные, строки того же автора: «Не хочется мне теперь о себе говорить, а когда-нибудь я тебе расскажу, как мало я рождён для служебной жизни и как мало я могу принести ей пользы… Вообще вся наша администрация и общий строй – явный неприятель всему, что есть художество, начиная с поэзии и до устройства улиц… Так знай же, что я не чиновник, а художник».

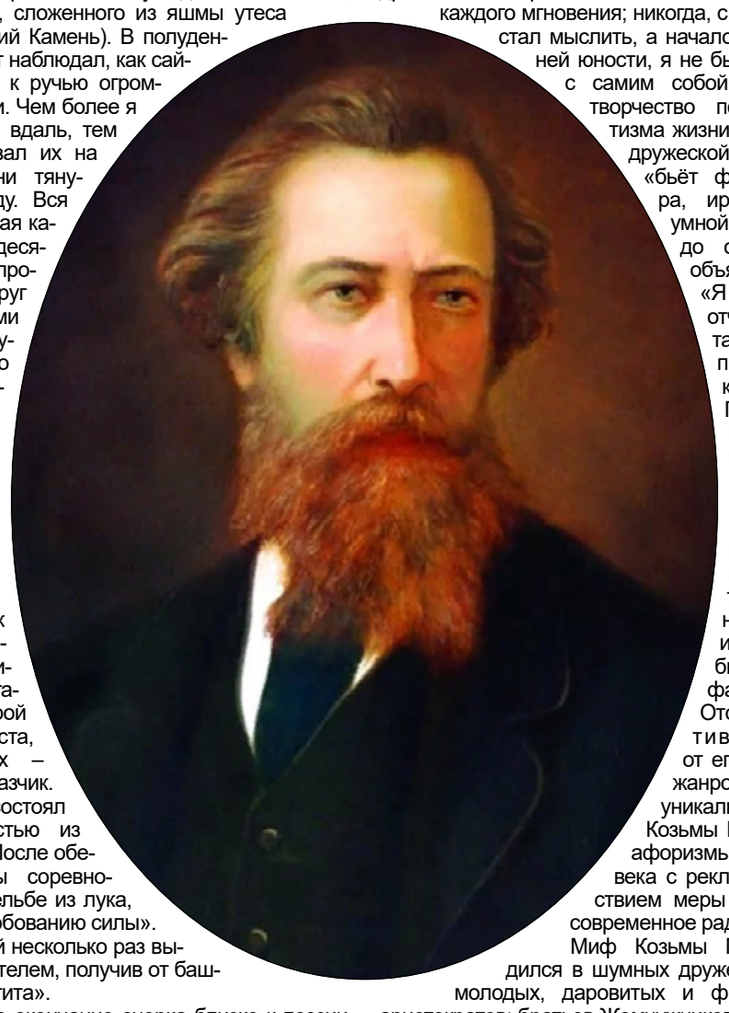
Нет, он не спешил покидать гостеприимной кочёвки, превращенной прихотливым Перовским в степной вариант рая. Об этом говорит начало его очерка: «Уже около месяца жили мы на кочёвке, верстах в полутораста от Оренбурга. Кочёвка расположена между высокими холмами, составляющими начало Уральского хребта и покрытыми дубняком и березняком… Почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все они увенчаны стенообразным гребнем сланцевого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником. Долины эти изобилуют разными ягодами, а более всего особенным родом диких вишен, растущих в высоком ковыле едва приметными кустами. Им-то, кажется, должно приписать неимоверное множество тетеревей, водящихся в этих местах…».

Уже на закате дней, признаваясь в юношеской эстетической «тоске по родине – по Италии», поэт говорит и о другой страсти – к охоте: «С двадцатого года моей жизни она стала во мне так сильна и я предавался ей с таким жаром, что отдавал ей всё время, которым мог располагать. В ту пору я состоял при дворе императора Николая и вёл весьма светскую жизнь… тем не менее часто убегал от неё и целые недели проводил в лесу, часто с товарищами, но обычно один». Да, богатыря Толстого, который завязывал узлом серебряные ложки, винтом скручивал кочергу, один ходил на медведя, не могла устроить такая охота: «В течение часа мы однажды втроём убили шестьдесят три штуки… Тетеревиная стрельба наша напоминала мне кровопролитные охоты в немецких парках – охоты, которых, откровенно сказать, я терпеть не могу».

Понятен поэтому поворот очерка: «Легко себе можно представить, как я обрадовался, когда пришло на кочёвку известие, что за Уралом, в Киргизской степи, показались сайгаки. Я вспомнил об описаниях этого животного в натуральных историях, где о нём всегда говорится как об одной из быстрейших и недоступнейших антилоп. Некоторые из охотников, бывшие в хивинской экспедиции, рассказывали нам, как на возвратном пути, весной, им случалось встретить сайгаков и как они тщетно старались догнать их наилучшими скакунами… Я горел нетерпением увидеть сайгака, почти не смея надеяться на удачу охоты».

Мир в глазах рассказчика словно только что сотворён, и он, художник, видит и передает его со всей свежестью первооткрытия – это под силу только лирическому поэту: «От кочёвки до Сухореченской крепости, где нам надлежало ночевать, а потом переехать через Урал, было вёрст двести. Езда в Оренбургской губернии необыкновенно быстра, степные дороги гладки, как паркет, а башкирские лошади неутомимы. Часов в четырнадцать мы в двух тарантасах проскакали двухсотверстное пространство и ещё нашли время выкупаться в Сакмаре и пообедать в одной из линейных станиц. Места, через которые мы проезжали, были очень разнообразны и живописны: сначала такие же холмы, как на кочёвке, потом широкие долины. Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебристых тополей, цветущая степь, а вдали – голубые Губерлинские горы… Часов в девять вечера мы приехали в Сухореченскую крепость и остановились у станичного атамана. Перед его домом казаки забавлялись стрелянием в цель… Настрелявшись с ними вдоволь и выкупавшись в Урале, мы легли на дворе, на свежем сене и заснули под говор атамана, рассказывающего нам, как его взяли в плен киргизы и как он от них убежал. < >

…Охотники разбили стан у подножья высокого, протяженного, сложенного из яшмы утеса Кук-Таш (Синий Камень). В полуденную жару поэт наблюдал, как сайгаки «бежали к ручью огромными стадами. Чем более я всматривался вдаль, тем более открывал их на горизонте: они тянулись отовсюду. Вся степь, исключая какого-нибудь десятивёрстного пространства вокруг нас, была ими покрыта. Я думаю, тут было несколько тысяч».



Это была уже другая охота. Несмотря на скорость бега и чуткость животных, в первый день сорок охотников убили более пятидесяти сайгаков, на второй день – более ста, и нескольких – сам рассказчик. «Обед наш состоял большей частью из сайгачины». После обеда башкирцы соревновались в стрельбе из лука, борьбе и «пробованию силы». Здесь Толстой несколько раз выходил победителем, получив от башкир «имя джигита».

Лирическое окончание очерка близко к поэзии в прозе: «Когда настала ночь, мы все вместе направились верхами в Сухореченскую крепость. Казаки затянули песню, и голоса их терялись в необъятном пространстве, не повторяемые ни одним отголоском… Песни эти отзывались то глубоким унынием, то отчаянной удалью и время от времени были приправляемы такими энергическими словами, каких нельзя и повторить. Поезд этот запечатлелся в моей памяти со всеми его подробностями. Как теперь вижу я небо, усеянное звёздами, и степь, похожую на открытое море; как теперь, слышу слова:

Дай нам Бог, казаченькам,
пожить да послужить,
На своей сторонушке головки положить…

Ни это путешествие, ни проба пера не были первыми для Толстого. Он родился в Санкт-Петербурге 24 августа (5 сентября) 1817 года. После рождения сына мать разошлась с мужем, графом К.П. Толстым. Алёшу воспитывал её брат Алексей Перовский, писатель, публиковавшийся под псевдонимом Антоний Погорельский, автор известной детской сказки «Чёрная курица, или Подземные жители». Малороссию (Украину), где поэт провёл счастливые детские годы, он считал «своей настоящей родиной». Подростком он был представлен будущему императору Александру II, своему ровеснику, допущен в круг его детских общений. В десятилетнем возрасте мать с дядей взяли его в Германию, где в Веймаре очень юный поэт («с шестилетнего возраста я начал марать бумагу и писать стихи») сидел на коленях у Гёте, переводами из которого отозвался через сорок лет.

Тринадцатилетним Алексей Толстой с матерью и дядей путешествовал по Италии. Это были два феерических месяца! Живое знакомство с греческой и римской историей, древностями искусства – на открытом воздухе и в музеях, посещения всемирно известных галерей живописи и мастерских художников, общение с друзьями Пушкина – Соболевским, Шевыревым, Карлом Брюлловым… Весной 1831 года он как бы прошёл университетский курс и в дневнике, неожиданно зрелом, показал, что умеет смотреть, чувствовать и мыслить.

Он уже тогда знал, что «нет другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кроме искусства».

Из письма Толстого к будущей жене Софье Андреевне Миллер: «Во мне есть постоянная грусть каждого мгновения; никогда, с тех пор, как я стал мыслить, а началось это в ранней юности, я не был в согласии с самим собой…». Да, его творчество полно драматизма жизни, но в быту, в дружеской переписке «бьёт фонтан» юмора, иронии, остроумной веселости до озорства. Он объяснял это так: «Я понимаю, отчего натуры такие глубоко печальные, как Мольер и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь… нужно быть вне этого, так же как надо выйти из дому, чтобы срисовать фасад здания». Отсюда на противоположном от его «серьезных жанров» полюсе – уникальное явление Козьмы Пруткова, чьи афоризмы в начале 21 века с рекламным отсутствием меры прокатывало современное радио.

Миф Козьмы Пруткова родился в шумных дружеских сходках молодых, даровитых и фрондирующих аристократов: братьев Жемчужниковых – Алексея и Владимира, иногда к ним присоединялся третий брат Александр, и их двоюродного брата Алексея Толстого. Владимир Жемчужников, составивший «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова, первое издание которого вышло в 1884 году, а двенадцатое (!) – в 1916-м, объяснял, что их герой «художнически создавался» в той эпохе, «когда всякий без малейшей подготовки брал на себя всевозможные обязанности (как это знакомо! – *В.К.*), если Начальство на него их налагало…». Девиз одного из таких высокопоставленных чиновников – Клейнмихеля – «Усердие всё превозмогает» они сделали афоризмом своего подопечного.

Дух Пруткова витал, где хотел, во всей литературе послепушкинских 40-50-х годов. Всё, к чему прикасался он, «разрабатывая темы» оригинальной и подражательной поэзии, вульгарного романтизма, модного культа поэзии Гейне, культов Греции и Испании, обретало выражение «гениального идиотизма». Создатели Пруткова знали тайны соседства великого и смешного. Да, «эолова арфа», отзывающаяся на всё, но – безнадёжно расстроенная…

Отзываясь на всё и всё доводя до абсурда, Козьма Прутков, по замыслу «отцов создателей», оставался самим собой: отставным гусаром, пожизненным директором Пробирной палатки, действительным статским советником со Св. Станиславом I степени, тщеславным и самодовольным, самоуверенным до грубости. В горделивой позе его портрета можно усмотреть доведенные до предела самонадеянной ограниченности черты пародируемого романтического поэта Бенедиктова. Не

стареет один из «прутковских шедевров», вышедший из-под пера Толстого:

«Вы любите ли сыр?» –
спросили раз ханжу,
«Люблю, – ответил он, –
я вкус в нём нахожу».

К «прутковиане» тяготеет толстовская озорная сатира: «Сон Попова», «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»…

Время несло и свои печали. В декабре 1857 года окончился земной путь пламенного Перовского, дважды управлявшего Оренбургским краем. Толстой писал Софье Миллер: «…Сегодня мы отнесли дядю в церковь; мы несли его на руках; дорога была покрыта зеленью – лавровые ветки, ветки розмарина в цвету… Сад полон птицами, которые щебечут, особенно много дроздов. В лучах солнца пляшут мириады мушек…».

Жизнь, как всегда, спорила с тлением… С дядей он хоронил, может быть, самое противоречивое из поколений России. Монархисты без страха и упрека, герои-победители в Отечественной войне 1812 года, они, возвращаясь из побежденной либеральной Франции, принесли в душах семена грядущих поражений. Чуткий художник Толстой, на которого время часто смотрело глазами братьев Перовских, был во многом сыном этих противоречий. Он публиковал свои былины в «Вестнике Европы» западника Стасюлевича, он отстаивал европейский путь развития России, иронизировал над «кучерской одеждой, в которой щеголяли… Константин Аксаков и Хомяков» – славянофилы, но был ли он западником? С 1857 года он перестал печататься в «Современнике» Некрасова – «наши пути разные…». В письме 1868 года уверяет поэта Полонского, что искусство «не умрёт и не может умереть, как бы там ни старались Чернышевские и Писаревы».

В начале 1859 года, после закрытия славянофильской газеты «Парус», Толстой пишет исповедальное стихотворение, посвященное её редактору Ивану Аксакову и демонстративно, не боясь монаршего гнева, выносит посвящение в название. Обращаясь к Аксакову, Толстой разделяет его «гражданские стремленья и честной речи трезвый звук», но сам он, «служа таинственной Отчизне», слышит «иной глас», невыразимый «на ежедневном языке».

Понятно, что каждому из противостоящих лагерей было лестно иметь на своей стороне глашатая живого слова. Поэт отвечал:

Двух станов не боец,
но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чьё б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей
не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

«Таинственная Отчизна» грезилась поэту в домонгольской Руси с подлинно народной демократией народного вече, в Киевском великом княжестве, «когда мы ещё были честными».

Один из его любимых героев этой «таинственной Отчизны» – богатырь Илья Муромец из одноименной баллады, суровый независимый бессребреник, которому душно на «княжем дворе», для которого высшая ценность – «волюшка моя». Не нужно больших усилий, чтобы разглядеть в Илье самого поэта – «одного в поле воина», во всех жанрах отстаивающего художественной силой народные идеалы.

«Особая позиция» определяла и отношения Толстого с государем. Они отличались той «благородной непоследовательностью», которую поэт видел в близком для себя образе князя Серебряного из своего одноимённого романа (1862): «Серебряный… разделял убеждения своего века в божественной неприкосновенности прав Иоанна, никогда не выходил преднамеренно из повиновения царю… Но, несмотря на это, каждый раз, когда сталкивался с явной несправедливостью, душа его вскипала негодованием, и врожденная прямота брала верх над правилами, принятыми на веру».

Близость ко двору Толстой использовал, хлопоча о возвращении из ссылки Тараса Шевченко, вступался и за славянофила Ивана Аксакова, и за «европейца» Ивана Тургенева. В 1861 году писатель, имеющий к тому времени придворное звание егермейстера, обратился к Александру II с просьбой об отставке: «Служба и искусство несовместимы…», взамен он обещал «говорить во что бы то ни стало правду». Отставку поэт получил. О готовности же выслушивать правду говорят запрещения к постановке его драм «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Первая из них после революции не сходила со сцены весь XX век.

Его творчество и, прежде всего, лирика, дышало его судьбой. Стихотворение «Средь шумного бала, случайно…» – будущий русский романс на музыку Петра Чайковского – стало отражением переживаний поэта после знакомства на балмаскараде зимой 1850-51 годов с Софьей Андреевной, урожденной Бахметевой, по мужу Миллер. Ей было 24 года, брак её был опрометчивым, вызван сердечной драмой, из-за которой погиб на дуэли её брат. Скоро они с мужем разошлись, не оформив развода.

Толстого потянуло к ней, «как больное животное инстинктивно распознаёт растение, которое поможет ему вылечиться». Она знала четырнадцать языков, бегло, безукоризненно переводила «с листа», знала мировую историю, литературу, искусство, была незаурядно музыкально образована – низкие, мягкие, сочные тона её голоса волновали не только Толстого. Состояние, близкое к влюбленности в неё и полному доверию, испытывали многие из окружения поэта. Она не была красивой – качества ума, доброта, грация делали её прекрасной.

У них была почти невозможная между мужчиной и женщиной любовь-дружба: «Я ощущаю такую потребность говорить с тобой об искусстве, о поэзии, поделиться с тобой всеми моими мыслями…». Главный мотив его писем в их громадной по объёму переписке один: «Я всё отношу к тебе: славу, счастье, существование, без тебя ничего не останется, и я себе сделаюсь отвратительным».

И, тем не менее, одна женщина испытывала непреодолимую неприязнь к Софье Миллер – мать Толстого, которая и слышать не могла об этом браке сына. Поэт любил их обеих, и душа его, по свидетельству Владимира Жемчужникова, «разрывалась на части».

В Крымскую войну, в 1855 году Толстой в чине майора направился в действующую армию. Под Одессой, из-за отсутствия докторов ухаживая за тифозными однополчанами, заразился сам. Болезнь выкосила полторы тысячи из состава полка – больше половины, «без уходу» умирали «по 20 зараз». Приехавшая в полк, несмотря на светские условности и двусмысленность их положения, Софья Андреевна выходила больного.

Вскоре после смерти матери Толстого закончилось мучительное противостояние троих. Наконец-то стало возможным «больше не держать в тайне… женитьбу на Софье Андреевне». Через четыре года выйдет его единственный прижизненный сборник стихов, где почти вся любовная лирика вызвана ею и посвящена ей.

Стихия любви – мелодичная стихия; больше половины его стихов положено на музыку, зачастую по нескольку раз Чайковским, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Балакиревым, Танеевым, Рахманиновым и еще многими композиторами. Будет в этом сборнике и ставшее песней хрестоматийное стихотворение «Колокольчики мои…».

В последние годы он тяжело болел, в поисках лечения много ездил: Англия, Франция, Италия, Германия, – но душа была на месте только в родном Красном Роге. Он любил одиночество в весенних лесах – при свете костра и полной луны, и как «потом всё просыпается, журавли трубят в горн, утки дуют в трубы, дрозды играют на гобоях, а соловьи – на флейтах».

Богатырь духа, как и его герои, он в своей «таинственной Отчизне» жил любовью: «Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, всё лишь свет и счастье…». Великий современник философ Карлейль назвал бы его жизнь героической, и это так. Жизнь героя-писателя состоялась.

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69
Наш сайт: denliteraturi.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор – Валентина ЕРОФЕЕВА

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18+
Подписано в печать 25.08.2022 г. Заказ № 3974-2022